

ВОЗРАЖЕНІЕ НОВОЙ ШКОЛЫ ФОРТИФИКАЦІИ.

«Выбирать себѣ мѣсто, удобное для стрѣльбы по назначенной цѣли и, по возможности, укрытое отъ глазъ и огня противника».

Стреловой уставъ.

«Обороняясь, надо стремиться всѣми способами и средствами разстроить непріятеля огнемъ».

Уставъ полевой службы.

«Главное требованіе отъ расположенія пѣхоты—хорошій дальній и ближній огонь».

Указанія Императорской военной академіи.

Въ № 11 «Военнаго Сборника» за 1912 г. Б. Жильцовъ возражаетъ на нашу статью «Фортификаціонныя заблужденія» (№ 4 «Инженернаго Журнала» за 1912 г.). Хотя мы и полагаемъ, что нами въ достаточной степени была освѣщена ошибочность фортификаціонныхъ измышленій автора, но появленіе его возраженія въ «Военномъ Сборникѣ» заставляетъ насъ вновь остановиться на главнѣйшемъ вопросѣ нашего разномыслія съ г. Б. Жильцовымъ, не касаясь второстепенныхъ вопросовъ, которые не имѣютъ столь серьезнаго принципиальнаго значенія.

Главнѣйшимъ требованіемъ «новой фортификаціи» авторъ считаетъ необходимость въ гористой мѣстности располагать окопы на

топографических гребнях¹⁾, а не на военных, какъ то до сего времени требуется тактикой.

Формулируетъ онъ это слѣдующимъ образомъ: «Окопы слѣдуетъ располагать на топографическихъ гребняхъ высотъ, имѣя дальній обстрѣлъ сверхъ 300—400 шаговъ и ближній отъ 30 до 50 шаговъ». Прежде всего намъ кажется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ вопросъ о мѣстѣ расположенія окоповъ можно отнести къ той или другой фортификаціонной школѣ? Насколько извѣстно, расположеніемъ войскъ на позиціи вѣдаетъ тактика, а не фортификація, назначеніе которой лишь усиливаетъ это расположеніе. Это нежеланіе г. Б. Жильцова отдѣлать вопросы тактики отъ вопросовъ фортификаціи и заставляетъ его метать громы и молніи не по адресу, обвиняя фортификацію въ томъ, въ чемъ можетъ быть повинна только тактика. Какія же указанія даетъ тактика о расположеніи войскъ боевого участка?

«Строевой уставъ», подчеркиваетъ, что стрѣлокъ долженъ выбрать себѣ мѣсто удобное для стрѣльбы: «укрытіе отъ глаза и огня противника по возможности».

«Уставъ полевой службы» гласитъ: «Обороняясь, надо стремиться всѣми способами и средствами разстроить непріятеля огнемъ».

«Указанія по пѣкоторымъ вопросамъ тактики» Императорской военной академіи говорятъ: «Главное требованіе отъ расположенія пѣхоты—хорошій дальній и ближній огонь».

Въ «Учебникѣ тактики для военныхъ училищъ» г. М. Бончъ-Бруевича, утвержденномъ военнымъ министромъ и изданномъ въ 1912 г. главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, находимъ слѣдующія указанія о стрѣлковыхъ позиціяхъ.

1) «Выбираемая стрѣлковая позиція должна способствовать возможно полному обстрѣлу впереди лежащей мѣстности ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; должны давать удобное расположеніе (для стрѣльбы) и укрытіе стрѣлкамъ и пулеметамъ; имѣть общее направленіе, перпендикулярное направленію, откуда ожидается противникъ, дабы не подвергать стрѣлокъ цѣпи фланговому и косому огню противника. Качество обстрѣла характеризуется дальностью огня, возможною съ разныхъ участковъ стрѣлковой позиціи, а равно величиною и расположеніемъ мертвыхъ (т. е. необстрѣливаемыхъ) пространствъ».

¹⁾ Болѣе подробно этотъ вопросъ разобранъ нами въ «Фортификаціонныхъ заблужденіяхъ».

2) «На высотѣ стрѣлки располагаются по скату, обращенному къ противнику, такъ чтобы обстрѣливать его подошву; если скаты высоты къ сторонѣ противника обрывистые, то стрѣлковыя позиціи могутъ быть выбраны въ два или болѣе ярусовъ».

3) «Такъ какъ фронтъ всѣхъ частей цѣпи, расположенныхъ на стрѣлковой позиціи, долженъ быть перпендикуляренъ къ направленію, откуда ожидается противникъ, то выпуклые скаты надо занимать цѣпью-уступами, а не по направленію горизонталей».

Полагаемъ, что у каждаго, внимательно прочитавшаго указанія уставовъ и тактики о значеніи ружейнаго огня съ позиціи, не можетъ быть двухъ мнѣній о мѣстѣ расположенія стрѣлковыхъ окоповъ на высотахъ. Очевидно, каждый командиръ роты постарается расположить своихъ людей такъ, чтобы получить возможно полный обстрѣлъ впереди лежащей мѣстности. Если же ему, кромѣ того, удастся окопаться, замаскировать свой окопъ и устроить въ немъ блиндированныя (покрытыя) бойницы, то его боевое расположеніе будетъ грознымъ для противника и неуязвимымъ для его артилеріи.

Выгоды своего расположенія г. Б. Жильцовъ видитъ: 1) въ укрытости его отъ наблюденій противника, 2) въ затруднительности веденія огня по окопамъ и 3) въ возможности для войскъ маневрировать на своемъ фронтѣ.

По п. 1 можно возразить, что если обороняющійся будетъ находиться въ хорошо маскированныхъ окопахъ, расположенныхъ на скатѣ возвышенности, то его будетъ такъ же трудно наблюдать, какъ и при расположеніи окоповъ на топографическомъ гребнѣ.

По п. 2 отмѣтимъ, что артилерія легче вести огонь по топографическому гребню возвышенности, чѣмъ по искусно маскированному окопу на скатѣ ея, который ей придется нащупывать. Если съ позиціи атакующій не будетъ въ состояніи установить непосредственнаго наблюденія за окопами на топографическихъ гребняхъ высотъ, то о существованіи таковыхъ онъ [будетъ знать отъ своей воздушной развѣдки.

Одно изъ главныхъ преимуществъ своего расположенія г. Б. Жильцовъ видитъ въ возможности для войскъ скрытно маневрировать на фронтѣ ихъ расположенія. Намъ кажется трудно выполнимымъ и даже вреднымъ маневрированіе войскъ боевого участка на фронтѣ своего расположенія.

Подобное маневрированіе лишитъ стрѣлковъ спокойствія, неудобимаго для веденія огня, понизитъ его дѣйствительность, со-

кратить продолжительность его дѣйствія и можетъ послужить соблазномъ для войскъ, которыя не пожелаютъ принять атаки противника. Всякое стягиваніе войскъ на фронтъ боевого участка требуетъ очень большого искусства и можетъ привести къ выигрышу нашего фланга противникомъ, что поставитъ оборону въ очень тяжелое положеніе.

«Уставъ полевой службы» о маневрированіи говоритъ слѣдующее: «Движеній флангомъ къ непріятелю надо всячески избѣгать, особенно въ частяхъ ближайшихъ къ нему; такія движенія замѣнять облическими, направляя части изъ глубины боевого порядка».

Здѣсь мы опять видимъ, что «новая школа фортификаціи» грѣшитъ противъ принциповъ тактики.

Г-нъ Б. Жильцовъ считаетъ, что окопы на топографическомъ гребнѣ высотъ даютъ возможность имѣть дальній обстрѣлъ сверхъ 300—400 шаговъ и ближній отъ 30 до 50 шаговъ.

Весьма вѣроятно, что полоса мертваго пространства, ширина котораго зависитъ отъ рельефа мѣстности, будетъ глубже, чѣмъ полагаетъ авторъ. Онъ предлагаетъ мертвыя пространства обстрѣливать изъ сосѣднихъ окоповъ. Но этому не всегда будетъ благоприятствовать рельефъ мѣстности и заставитъ свои окопы подставить флангомъ къ противнику, что прямо противорѣчитъ п. 3 вышеупомянутыхъ указаній тактики. Кромѣ того, подобное расположеніе (на топографическомъ гребнѣ) лишаетъ войска всякой самостоятельности въ веденіи огневого боя. Полагаемъ, что наступить такой фазисъ его, когда стрѣлки будутъ думать не о выполненіи своей боевой задачи, а о томъ—обстрѣливается ли ихъ сосѣдями мертвое пространство впереди нихъ. Напряженное ожиданіе внезапной атаки, какъ мы уже указывали раньше («Фортификаціонныя заблужденія»), отразится на состояніи духа бойцовъ, которое будетъ крайне подавленнымъ. Отступленіе одной части неминуемо поведетъ къ отступленію другой, которая будетъ связана съ первой своимъ мертвымъ пространствомъ. Казалось бы, что о ближнемъ обстрѣлѣ отъ 30 до 50 шаговъ совсѣмъ не стоило бы и говорить, такъ какъ онъ не можетъ имѣть боевого значенія. Обстрѣливаніе ближайшихъ къ позиціи мертвыхъ пространствъ можно возложить на артилерійскій или пулеметный фланговый огонь. Но помимо трудности выполненія этой задачи (близость мертвыхъ пространствъ къ нашей позиціи), артилерія, стоящая открыто, сравнительно легко можетъ быть приведена къ молчанію (наша артилерія въ бою при Цзинь-Чжоу). Что же касается пулеметнаго огня,

те невыгодная его сторона—кратковременность его дѣйствія; кромѣ того, нѣкоторыя мертвыя пространства могутъ остаться такими же и для него.

Тактика обѣ огнѣ говоритъ слѣдующее: «Еще лучше, если перекрестный обстрѣлъ достигается сочетаніемъ фронтальнаго огня съ фланговымъ. Такимъ образомъ, кромѣ сосредоточенія огня по болѣе важнымъ цѣлямъ, необходимо стремиться, чтобы цѣли одновременно обстрѣливались сочетаніемъ огня—фронтальнаго, косою и фланговаго».

Въ доказательство правильности своихъ идей г. Б. Жильцовъ приводитъ актъ комиссіи о результатѣ осмотра позиціи, укрѣпленной авторомъ въ духѣ его принциповъ. Но вѣдь это только частный случай, изъ котораго нѣсколько рискованно дѣлать общіе выводы. Журналъ комиссіи скорѣе убѣждаетъ насъ въ торжествѣ принциповъ здоровой тактики («школы старой фортификаціи», какъ называетъ ее г. Жильцовъ), такъ какъ топографическій гребень въ данномъ случаѣ давалъ наилучшій обстрѣлъ, т. е. совпадалъ съ военнымъ гребнемъ.

Цитируемъ п. 31 акта комиссіи: «Наибольшій ближній огонь въ 200 шаговъ даютъ только окопы, расположенные у гребня (это, конечно, частный случай)».

Намъ кажется, что этимъ пунктомъ акта комиссія вынесла исполнѣ опредѣленный приговоръ позиціи, укрѣпленной согласно идей «новой фортификаціонной школы». Видамо комиссія очень заботилась о ближнемъ огнѣ съ позиціи, но оказалось, что такой огонь съ позиціи вообще плохъ. Съ другой стороны наилучшій огонь возможенъ только съ топографическаго гребня.

Не даетъ ли это намъ право предположить, что мнѣніе комиссіи о достоинствахъ позиціи могло сильно измѣниться, если бы она нашла на скатѣ возвышенности позицію съ лучшимъ обстрѣломъ? Иначе трудно понять ссылку комиссіи на наилучшій ближній обстрѣлъ съ топографическаго гребня. Мы не отрицаемъ возможности частнаго случая расположенія окоповъ на топографическомъ гребнѣ. Другой вопросъ, насколько это желательно и не лучше ли совсѣмъ отказаться отъ подобной нозиціи? Напрашивается вопросъ, не мертвыя ли пространства даютъ относительную легкость овладѣнія трудно доступными позиціями? Г-нъ Б. Жильцовъ подчеркиваетъ, что въ Русско-японскую войну наши войска часто отступали съ военнаго гребня на топографическій. Полагаемъ, что это происходило не потому, что топографическій гребень давалъ

какія-то боевыя выгоды, а потому, что онъ находился на пути отступленія нашихъ войскъ, которыя временно на немъ задерживались передъ дальнѣйшимъ своимъ отступленіемъ.

Заканчивая свое возраженіе, г. Б. Жильцовъ говоритъ: «Мертвыя пространства для атаки являются громаднѣмъ подспорьемъ; научитесь отвѣчать на мертвыя пространства въ рукахъ противника подготовкой своихъ мертвыхъ пространствъ. Примѣняя же старую фортификацію, вы искусственно лишаете оборону возможности пользоваться этимъ средствомъ». Съ своей стороны мы все время говорили о томъ, что мертвыя пространства даютъ громадныя преимущества атакѣ. Ясно, что въ этомъ вопросѣ мы вполне сходимся съ авторомъ. Что же касается совѣтовъ г. Б. Жильцова отвѣтить на мертвыя пространства атаки созданиемъ таковыхъ же на сторонѣ обороны, когда есть полная возможность устранить первыя своимъ расположеніемъ, то съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ и думаемъ, что подобное искусственное насажденіе мертвыхъ пространствъ создастъ мертвую оборону, которая не будетъ въ состояніи разбить противника. По поводу мертвыхъ пространствъ намъ вспоминается анекдотическій случай изъ прошлой кампаніи. Одинъ изъ начальниковъ, обращаясь къ артиллеристамъ, говорилъ: «Дайте мнѣ эти мертвыя пространства, а перебью всѣхъ японцевъ!» Очевидно, «новая школа фортификаціи» въ поискахъ мертвыхъ пространствъ ушла значительно впередъ, такъ какъ предлагаетъ бороться съ ними созданиемъ мертвыхъ пространствъ для огня противника.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что раньше, чѣмъ брать на себя смѣлость создавать «новую фортификаціонную школу», надо установить болѣе ясный взглядъ на задачи фортификаціи и не смѣшивать ихъ съ задачами тактики.

С. Мордобинъ.

